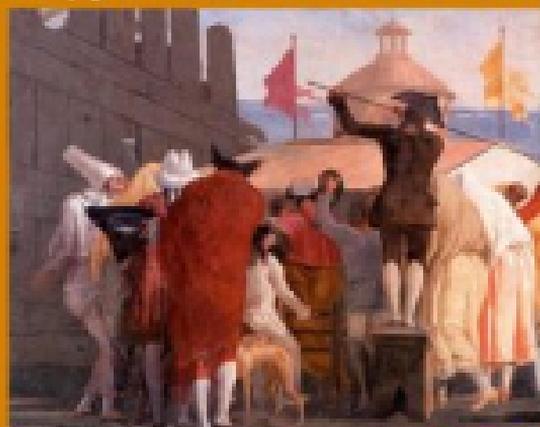

ОДИССЕЙ

человек в истории

Homines novi:
социальные группы в жизни общества

2022

СОДЕРЖАНИЕ

НOMINES NOVI: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

О.Е. Кошелева

«НOMINES NOVI»: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДАННОЙ
ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ «ОДИССЕЯ» 5

Н.Ю. Живлова

ГЕНЕАЛОГИЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО! ФОРМИРОВАНИЕ
СОСЛОВНОЙ ГРУППЫ КЛИРИКОВ В
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ИРЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ..... 10

А.В. Русанов

СТУДЕНТЫ И МАГИСТРЫ В ПОРТУГАЛИИ
КОН. XIII–XV ВВ.: ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И
БОРЬБЫ ЗА ПРАВОВОЙ СТАТУС..... 30

А.Б. Герштейн

КОРОЛЯ ИГРАЕТ СВИТА: ОСОБЕННОСТИ
КОММУНИКАЦИИ ЛЖЕПРАВИТЕЛЕЙ С ОБЩЕСТВОМ.....50

Н.А. Болдырева

«ПОЗЛАЩЕННЫХ ВСАДНИКОВ ДРУЖЕСТВО»:
РАННИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОРДЕНЕ ПОДВЯЗКИ В РОССИИ.....74

Л.А. Пименова

ЛИТЕРАТОРЫ И ФИЛОСОФЫ: О МЕСТЕ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ
XVIII ВЕКА.....96

Т.В. Артемьева

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ
ЭЛИТ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ.....117

О.Е. Кошелева, В.С. Ржеутский
«НИКАКИЕ СИХ РАЗВРАТНЫХ УМОВ НАМЕРЕНИЯ
НИМАЛЕЙШЕ УСПЕТЬ НЕ МОГУТ»: РОССИЙСКИЕ
ВЛАСТИ И ФРАНЦУЗСКИЕ УЧИТЕЛЯ В 1795 Г.140

СМЕРТЬ ВНЕЗАПНА!

О.Е. Кошелева
СМЕРТЬ ВНЕЗАПНА! (ВВЕДЕНИЕ).....164

С.И. Лучицкая
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ИЕРУСАЛИМСКОГО КОРОЛЯ
ФУЛЬКА I, ИЛИ КАК ПЕРЕДАВАЛИ ВЛАСТЬ В
ГОСУДАРСТВЕ КРЕСТНОСЦЕВ.....167

А.Б. Герштейн
(НЕ)ОЖИДАННАЯ СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО СЫНА:
КЛЕЙМО САМОУБИЙЦЫ В КАРТИНЕ МИРА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮДЕЙ.....195

О.И. Тогоева
ТО, ЧТО МЕРТВО, УМЕРЕТЬ НЕ МОЖЕТ? САМОУБИЙЦЫ
И ПОХОРОНЕННЫЕ ЗАЖИВО В УГОЛОВНЫХ СУДАХ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ..... 216

А.С. Лавров
МИРЯНЕ ВОЛОГОДСКОЙ И ВЕЛИКОУСТЮЖСКОЙ
ЕПАРХИИ ПЕРЕД ЛИЦОМ «ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ»..... 229

Н. Хриссидис
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ВЫДАЮЩЕГОСЯ СВЯЩЕННИКА:
СЛУЧАЙ С АРХИМАНДРИТОМ ГРИГОРИОСОМ
ВЕГЛЕРИСОМ..... 255

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ

М.А. Ведешкин
«ПИВНЯК», «МЯСНИК» И «ЗМЕЕВИК»: ПРОЗВИЩА
РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ КОНЦА IV – НАЧАЛА VI В.274

ХРИСТИАНСТВО И ВОЙНА НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАПАДЕ

А.Ф. Кофман

ДОКТРИНА «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ» В ТЕОРИИ И
ПРАКТИКЕ ИСПАНСКОЙ КОНКИСТЫ..... 302

СОЦИУМ, ДИДАКТИКА, ЭТИКА

† *В.Г. Безрогов, К.А. Левинсон, Е.Ю. Ромашина, И.И. Тетерин*
«СМОТРИ, ЭТО ГОРОД!» ПРОГУЛКИ С ЯНОМ АМОСОМ
КОМЕНСКИМ, КАРЛОМ ЛАУКХАРДОМ И
КОНСТАНТИНОМ УШИНСКИМ.....320

К.А. Левинсон

«СЧИТАЮ СВОИМ ДОЛГОМ...»: К ПРОБЛЕМЕ
ЭТОСА РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ. 344

РЕЦЕНЗИИ

С.И. Лучицкая

ИГРЫ В ЗЕРКАЛЕ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РЕНЕССАНСА (Рец. на кн.: Games and
Visual Culture / Ed. V. Kopp & E. Lapina. Turnhout, 2020).....386

М.М. Кром

УДАЧНЫЙ ОПЫТ СРАВНЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОРОДСКИХ КОММУН (Рец. на кн.: *Лукин П.В.* Новгород и
Венеция: сравнительно-исторические очерки становления
республиканского строя. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.: ил.)..... 392

IN MEMORIAM

В.Г. Безрогов (16.09.1959 – 14.11.2019)..... 398

А.Е. Махов (19.08.1959 – 29.11. 2021)..... 407

SUMMARIES..... 410

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	422
ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА.....	425
СОДЕРЖАНИЕ.....	426
CONTENTS.....	430

CONTENTS

HOMINES NOVI: NEW SOCIAL GROUPS IN SOCIETY

O.E. Kosheleva

“HOMINES NOVI”: SOME NOTES ON THIS
ODYSSEUS SECTION.....5

N.Ju. Zhivlova

GENEALOGIES FIRST! THE MAKING OF CLERGY AS AN
ESTATE-LIKE SOCIAL GROUP IN EARLY
MEDIEVAL IRELAND.....10

A.V. Rusanov

STUDENTS AND MASTERS IN PORTUGAL BETWEEN
THE LATE 13TH AND THE LATE 15TH CENTURIES:
FORMS OF REPRESENTATION AND STRUGGLE FOR
LEGAL STATUS.....30

A.B. Gerstein

THE RETINUE PLAYS THE KING:
PECULIARITIES OF IMPOSTORS' COMMUNICATION WITH
SOCIETY.....50

N.A. Boldyreva

"THE COMMUNITY OF AUREATE EQUITES": THE EARLY
DATA ABOUT THE ORDER OF THE GARTER IN RUSSIA.....74

L.A. Pimenova

PHILOSOPHERS AND MEN OF LETTERS: INTELLECTUALS'
PLACE IN SOCIETY IN 18TH CENTURY FRANCE.....96

T.V. Artem'eva

THE MAKING OF RUSSIAN INTELLECTUAL ELITES IN THE
AGE OF ENLIGHTENMENT.....117

<i>O.Eu. Kosheleva, V.S. Rjeutskij</i> “NO INTENTIONS OF SUCH CORRUPT MINDS CAN IN THE LEAST BIT SUCCEED”: RUSSIAN AUTHORITIES AND FRENCH TEACHERS IN 1795.....	140
--	-----

WHEN DEATH IS UNEXPECTED!

<i>O.Eu. Kosheleva</i> WHEN DEATH IS UNEXPECTED! (INTRODUCTION).....	164
---	-----

<i>S.I. Luchitskaya</i> THE SUDDEN DEATH OF FULK I, THE KING OF JERUSALEM, OR HOW POWER WAS TRANSFERRED IN THE CRUSADER STATES.....	167
--	-----

<i>A.B. Gerstein</i> THE (UN)EXPECTED DEATH OF THE EMPEROR’S SON: THE SUICIDE STIGMA IN THE MEDIEVAL WORLDVIEW.....	195
---	-----

<i>O.I. Togoeva</i> WHAT IS DEAD MAY NEVER DIE? SUICIDES AND BURIED ALIVE IN THE CRIMINAL COURTS OF MEDIEVAL FRANCE.....	216
---	-----

<i>A.S. Lavrov</i> LAY PEOPLE AND „UNEXPECTED DEATH“ IN VOLOGDA AND VELIKY USTYUG DIOCESE IN THE 17TH AND 18TH CENTURIES.....	229
--	-----

<i>N. Chrissidis</i> MANAGING THE SUDDEN DEATH OF A HANDSOME CLERGYMAN: THE CASE OF ARCHIMANDRITE GREGORIOS VEGLERES.....	255
--	-----

IMAGES OF POWER

<i>M.A. Vedeshkin</i> "THE BEERDRINKER", "THE BUTCHER" AND "THE SNAKE": THE NICKNAMES OF ROMAN EMPERORS OF	
--	--

THE LATE 4 TH – EARLY 6 TH CENTURIES AD.	274
---	-----

CHRISTIANITY AND WAR IN THE MEDIEVAL WEST

A.F. Kofman

THE DOCTRINE OF THE “JUST WAR” IN THEORY AND PRACTICE OF THE SPANISH CONQUISTA.....	302
--	-----

SOCIETY, DIDACTICS, ETHICS

†V. G. Bezrogov, K.A. Levinson, E. Yu. Romashina, I.I. Teterin

“LOOK, THIS IS A CITY!” REGARDING THE URBAN SPACE WITH JOHN AMOS COMENIUS, CARL FRIEDRICH LAUCKHARD AND KONSTANTIN USHINSKY.....	320
--	-----

K.A. Levinson

“I REGARD IT AS MY DUTY...” TOWARDS STUDYING THE ETHOS OF EARLY TWENTIETH CENTURY RUSSIAN SCHOLARS.....	344
---	-----

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

GAMES AS MIRRORED BY THE MEDIEVAL AND RENAISSANCE VISUAL CULTURE (Games and Visual Culture / Ed. V. Kopp & E. Lapina. Turnhout, 2020).....	386
---	-----

M.M. Krom

GOOD EXPERIENCE IN COMPARING OF THE MEDIEVAL CYTIES (Rev: Lukin P.V. Novgorod and Venice: Comporative Historical Essays of Formation of the Republican Order. SPb.: European University at St. Petersburg Press, 2022. 302 p.: ill.)	
--	--

IN MEMORIAM

B.Г. Безрогов (16.09.1959. – 14.11.2019).....	398
---	-----

A.E. Махов (19.08.1959. – 29.11.2021).....	407
--	-----

SUMMARIES.....410
LIST OF AUTHORS.....422
POLYCY PAGE..... 425
CONTENTS..... 430

К.А. Левинсон

«СЧИТАЮ СВОИМ ДОЛГОМ...»: К ПРОБЛЕМЕ
ЭТОСА РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ.*

DOI: 10.32608/1607-6184-2022-28-1-344-385

Аннотация: В статье предпринимается попытка дать одно из возможных объяснений тем мотивам, которые побудили множество российских профессоров уволиться в 1911 году в рамках так называемого «дела Кассо». С этой целью автор, используя эго-документы, анализирует этос различных социальных ролей, в которых выступает профессор кристаллографии Георгий (Юрий) Вульф и его подчиненный минералог Иосиф Сиома, переписывающиеся со своим коллегой, естествоиспытателем Владимиром Вернадским, на рубеже XIX и XX столетий. Анализ источников показывает, что Вульф и Вернадский, равно как и ряд их коллег, не разделяли этос социальных ролей ученого, гражданина с либеральными политическими убеждениями и порядочного человека, поэтому их уход из Московского университета был одновременно и ходом в политической борьбе, и проявлением корпоративного духа, и реакцией оскорбленного человека на непорядочное поведение министра образования. Однако не все университетские работники демонстрировали подобную нераздельность социальных ролей: Сиома, как видно из его писем к Вернадскому, более четко разделял этос представителя угнетенного польского народа, этос ученого-исследователя и этос сотрудника университета. Это заставляет предположить, что на более обширном источниковом материале можно было бы выявить спектр промежуточных вариантов между этими двумя полюсами.

Ключевые слова: Университетская история, Варшавский университет, Московский университет, дело Кассо, этос, история российской профессуры.

Keywords: University history, Warsaw University, Moscow University, Casso affair, ethos, history of Russian academia.

В 2021 г. исполнилось 110 лет «дела Кассо» – события, весьма знаменательного в истории российской политической культуры, взаимоотношений между академической средой и правительством, а

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

также внутри самой этой среды. В январе 1911 г. министр просвещения Российской империи Л.А. Кассо издал циркуляр «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений», которым передавал полномочия по закрытию университетов в случае студенческих волнений в руки городских властей и полиции. Это было нарушением «Временных правил» 1905 г., согласно которым закрытие университета могло осуществляться только по инициативе его собственных выборных управляющих органов. Такое посягательство на университетскую автономию вызвало решительный протест ректора Московского университета проф. А.А. Мануйлова, помощника ректора проф. М.А. Мензбира и проректора проф. П.А. Минакова. Они сочли, что этот циркуляр низводит их до роли простых исполнителей приказов административных и правоохранительных инстанций. Не видя более возможности выполнять те руководящие обязанности, которые были возложены на них избравшим их преподавательским коллективом, все трое подали в отставку со своих административных постов. Совет университета поддержал это их решение. Министр же не только принял их отставки, но и уволил всех троих с профессорских должностей тоже, причем с запрещением им заниматься преподавательской деятельностью в учебных заведениях, подчиненных Министерству народного просвещения. После этого прошения об увольнении подали многие члены университетского совета. Вслед за ними в течение следующих недель Московский университет покинуло более 130 человек – примерно каждый третий из профессоров и приват-доцентов. В нескольких других университетах Российской империи ряд преподавателей (хотя и в гораздо меньшем числе) поступил так же.

До сих пор в исследовательской литературе¹ не существует единого мнения о том, что представляла собой эта массовая отставка. Был ли это «новый метод борьбы», как писала А.В. Шарова в 2010 г.² Для такой интерпретации есть некоторые основания, хотя бы косвенные, например – слова свидетеля и участника событий тех дней в Московском университете историка А.Н. Савина, записавшего 12 февраля 1911 г. в своем дневнике, что «при теперешних обстоятельствах подача прошения [об отставке] несомненно приобрела в глазах правительства привкус политической манифестации»³.

¹ См., например: Куликов. 2003; Иванов. 1991; Иванов. 1999; Куликов. 2004.

² Шарова. 2010: 271.

³ Шарова. 2010: 282.

Заметим, что если протестная отставка не только министрами интерпретировалась как политический жест, а изначально и задумывалась самими учеными как способ оказать давление на Кассо, то этот новый метод борьбы оказался совершенно неэффективным: правительство с полным равнодушием отнеслось к массовому уходу профессуры, не искало компромисса, а по прошествии некоторого времени заменило ушедших преподавателей другими. Однако это стало очевидно лишь позже и потому для объяснения мотивов поступка профессоров и приват-доцентов роли не играет.

Несколько больше оснований, как представляется, имеет под собой другая интерпретация поступка Мануйлова, Мензбира и Минакова, а также, по крайней мере, части их коллег, подавших в отставку вслед за ними: как предсказывал Совет Московского университета, «некоторые профессора найдут дальнейшую преподавательскую деятельность несовместимую со своим личным достоинством»⁴, – и в самом деле, профессора В.И. Вернадский, В.П. Сербский, В.М. Хвостов и некоторые другие заявили, отставка есть «дело их совести, их чести и личного достоинства»⁵; а для тех, кто последовал за ними, главным мотивом стало стремление продемонстрировать солидарность с уже уволившимися коллегами. Но здесь встает новый вопрос: была ли эта солидарность корпоративной стратегией или проявлением индивидуальной (пусть и распространенной) этической позиции? Первую интерпретацию поддерживает А.В. Шарова в процитированной выше статье, когда пишет, что «правительство увидело политический демарш там, где было сильное корпоративное чувство. Ведь речь [...] шла о нравственном авторитете профессуры. Поддержка товарищей по университету становилась протестом против действий правительства»⁶. В условиях противостояния университетской корпорации с правительством единство действий было важно, и не подавший в отставку А.Н. Савин констатировал: «На меня смотрят как на изменника»⁷. Сам он при этом считал, что отставки преподавателей повредили университету как учебному заведению, а он ему не изменил, потому что продолжил учить студентов. Долг перед ними он ставил выше, чем долг перед профессорской корпорацией: «Корпоративные настроения

⁴ Шарова. 2010: 281.

⁵ Шарова. 2012: 227–228.

⁶ Шарова. 2010: 282.

⁷ Шарова. 2010: 284.

должны уступить место более широким побуждениям»⁸.

Вторая интерпретация, согласно которой подать в отставку из солидарности с коллегами каждый уволившийся считал своей сугубо личной этической обязанностью перед конкретными товарищами, независимо от политических или корпоративных стратегий, находит подтверждение в свидетельстве того же А.Н. Савина, писавшего – не о себе, но о своих коллегах, – что «в глазах большинства подающих профессоров это исполнение нравственного товарищеского долга, изъявление готовности пострадать вместе с товарищами-профессорами, и только, без политической примеси»⁹. Применительно к самому себе то же самое говорил и философ, сооснователь Партии мирного обновления Е.Н. Трубецкой. Незадолго до своего ухода из Московского университета он писал: «Я люблю университет, крайне боюсь поэтому, что отставка с минуты на минуту может стать нравственно обязательною»¹⁰.

Так что же это было? Что двигало людьми, которые в те зимние и весенние дни 1911 г. собственными руками рушили свои академические карьеры, лишали себя гонораров за лекции и возможности вести научную работу в университетских лабораториях, а на будущее, возможно, и шансов получить полицейское свидетельство о благонадежности, а кроме того – это тоже не следует сбрасывать со счетов – подрывали качество университета как научного и учебного заведения, лишая своих бывших студентов возможности слушать лекции специалистов? Руководствовались ли они политическим расчетом, корпоративным духом, оскорбленным чувством собственного достоинства или сознанием нравственного долга?

Чтобы получить ответ на этот вопрос (впрочем, возможно, не один, а множество разных ответов), можно было бы попытаться собрать и проанализировать максимальное количество эго-документов, в которых участники «дела Кассо» свидетельствовали о самих себе, о своих мотивах, чувствах и размышлениях в связи с этими событиями. Такое исследование требовало бы отдельной монографии. В рамках данной статьи будет предложен иной, скорее идиографический подход: обратясь к источникам, касающимся одного или нескольких индивидов, мы постараемся выявить в диахронном разрезе некие устойчивые особенности их взглядов, которые нашли свое

⁸ Шарова. 2010: 282.

⁹ Запись в дневнике от 12 февраля 1911 г. цит. по: Шарова. 2012: 229.

¹⁰ Письмо Е.Н. Трубецкого к М.К. Морозовой, Рим, февраль 1911 г.

проявление и зимой-весной 1911 г. Следующим шагом, который здесь будет лишь намечен, должно при таком подходе стать выяснение того, насколько широко эти взгляды были распространены среди университетских работников, причем как присоединившихся к массовым протестным отставкам в рамках «дела Кассо», так и оставшихся на своих должностях.

Для рассмотрения выбран персонаж, чьи судьбу и мнения мы можем проследить на протяжении значительного периода, предшествовавшего его уходу из Московского университета в 1911 г. Причем, что важно учесть, большую часть этого времени он провел в других городах и учебных заведениях, т.е. взгляды, руководившие его поступками, сформировались и проявлялись не под воздействием именно московской профессорской корпорации. Речь идет о видном российском физике-кристаллографе Георгии (Юрии)¹¹ Викторовиче Вульфе (1863–1925).

Вначале представим нашего героя. По отцу Юрий Викторович был, согласно семейному преданию, потомком шведа, переселившегося в Россию в XVIII в., а по материнской линии происходил из малороссийского дворянского рода Гудима. Воспитывался он вместе с братьями и сестрами в русской православной, однако не набожной и не шовинистически настроенной семье. Отец его был педагогом, заведовал средними и высшими учебными заведениями в Нежине, Чернигове и Варшаве. Детство и юность Юрия Викторовича прошли в столице Царства Польского. Там он учился в гимназии, потом в Императорском Варшавском университете, который окончил в 1885 г. по специальности «минералогия и кристаллография» и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Получив в 1889 г. длительную научную командировку, он провел ее, занимаясь научной работой в Петербурге, Мюнхене и Париже. В 1892 г. Юрий Викторович защитил магистерскую диссертацию по кристаллографии и год спустя стал приват-доцентом в своей *alma mater*. Через четыре года он получил степень доктора минералогии и геогнозии, в 1897 г. стал экстраординарным профессором Казанского университета, но уже в 1898 г. вернулся в Варшаву, где стал

¹¹ Официальное и крестильное имя Георгий сам Вульф использовал только в документах и деловых письмах; в устном и письменном общении с родственниками, коллегами и знакомыми он назывался Юрием. Так же подписаны и почти все (кроме одного) его послания к В.И. Вернадскому, поэтому здесь мы будем использовать это имя.

ординарным профессором и заведующим кафедрой минералогии. После закрытия Варшавского университета в период революции 1905–1907 гг. Вульф уехал за границу, а когда университет снова открылся в 1908 г., ученый проработал в нем несколько месяцев, вышел на пенсию и затем поступил приват-доцентом в Московский университет. Уволившись из него в 1911 г., Ю.В. Вульф перешел в университет им. А.Л. Шанявского, где проработал до 1917 г., создав там – в значительной мере на собственные деньги – кристаллографическую лабораторию. С 1916 по 1918 гг. он также возглавлял кафедру минералогии и кристаллографии на Московских высших женских курсах. Весной 1917 г. Юрий Викторович, как и многие из подавших в отставку в 1911 г., был восстановлен на работе в Московском университете в должности приват-доцента (вскоре – профессора) и перенес туда свою лабораторию из университета Шанявского. После Октябрьской революции, совмещая работу в нескольких местах, Ю.В. Вульф в 1919 г. стал деканом химико-фармацевтического факультета 2-го МГУ и профессором Московской горной академии, при которой руководил Кристаллографическим институтом. В том же году по его инициативе был создан Институт физико-химического исследования твердого вещества при Высшем совете народного хозяйства, в котором он стал директором и руководителем отдела кристаллофизики. Параллельно Юрий Викторович продолжал читать курсы по кристаллографическим темам в Московском университете. В 1921 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. Ю.В. Вульф был пионером исследований дифракции рентгеновских лучей на кристаллах, предложил способ вывода всех видов симметрии кристаллов, в 1913 г. независимо от Л. Брэгга вывел условия интерференционного отражения рентгеновских лучей от кристаллов (формула Брэгга–Вульфа), положенные в основу рентгеновской спектроскопии, и первым в России проводил рентгеноструктурные исследования минералов. О Вульфе

существуют краткие статьи биографического характера¹², упоминания в работах по истории науки и университетов¹³, а также одна монография¹⁴, в которой наряду с научной работой затрагиваются и его общественная деятельность и личная жизнь. Изложенные здесь биографические сведения почерпнуты из этих публикаций.

Перейдем теперь к тем обстоятельствам в академической жизни Ю.В. Вульфа, которые делают его особенно интересной фигурой для нашего исследования. В автобиографии, написанной в 1921 г. – возможно, в связи с избранием его в члены-корреспонденты Академии наук, – Вульф написал о себе: «В 1904 г. Георгий Викторович стал в ряды деятелей академического движения, и это заставило его покинуть Варшавский университет»¹⁵. Фраза на первый взгляд кажется загадочной. Понятие «академическое движение» связано с возникновением и деятельностью Всероссийского союза деятелей науки и просвещения, в обиходе называвшегося Академическим союзом¹⁶. Профессор Вульф не только был членом союза, но и возглавил его Варшавское отделение. Следует ли нам полагать, что за это он был уволен из университета? Но, во-первых, Академический союз был создан в 1905 г., хотя первые шаги к его созданию и пришлось на самый конец декабря 1904 г., если считать по юлианскому календарю. Во-вторых, ничего не известно о такого рода репрессиях в отношении лиц, вступивших в эту организацию¹⁷. Известно о некоторых гонениях на тех, кто поставил свою подпись под опубликованной в то же время т.н. Запиской 342 ученых – «Запиской о нуждах просвещения», которая послужила манифестом и идейно-политической платформой Академического союза, но это опять же не были увольнения. Значит, выражение «это заставило его поки-

¹² В основном это некрологи, написанные учениками Вульфа: *Флинт*. 1926; *Флинт*. 1927; *Шубников*. 1926.

¹³ *Лашкевич*. 1972; *Wójcik*. Wulf. 2016.

¹⁴ *Сонин*. 2001. Книга написана с опорой как на опубликованные, так и на архивные источники. К сожалению, ее автор – кристаллограф А.С. Сонин, занимавшийся также и историей науки, – при цитировании рукописных текстов Вульфа допустил ряд неверных прочтений, порой сильно искажающих смысл сказанного. Поэтому в данной статье даже совпадающие пассажи из этих источников цитируются по архивным рукописям, не по книге А.С. Сонины.

¹⁵ *Вульф*. 1990: 21-22.

¹⁶ См.: *Ковтуненко*. 2014. Об Академическом союзе см.: *Иванов*. 1977.

¹⁷ *Иванов*. 2003.

нуть Варшавский университет» нужно интерпретировать как указание на то, что в связи с событиями, касавшимися Записки 342-х и Академического союза, Вульф ушел из университета сам, хотя, возможно, и под давлением. Давлением со стороны кого или чего?

В самом общем плане ответ на этот вопрос можно получить из публикаций, посвященных Вульфу. Из них мы узнаем, что речь, действительно, не шла об увольнении Вульфа университетским начальством. Он ушел по собственному решению, однако не в 1904, а в 1907 г., в составе группы единомышленников, и вызвано это было той ситуацией, которая сложилась в Варшавском университете в ходе борьбы между польским студенчеством, требовавшим преподавания на польском языке, и властями (государственными и университетскими), проводившими в Привислинском крае все более агрессивный курс на тотальную русификацию¹⁸. После студенческих беспорядков, усилившихся в период революции 1905–1907 гг., университет был закрыт. Это, однако, не означало автоматического увольнения всех сотрудников. Решение об уходе было принято председателем и несколькими членами местного отделения Академического союза, т.е. сторонниками полонизации, причем вопреки воле самих польских студентов, призывавших их остаться¹⁹.

Так что же именно заставило профессора Вульфа уйти тогда, в 1907 г., из Варшавского университета? Что перед нами – единичное спонтанное движение или решение закономерное, укорененное в системе представлений человека о том, как ему (или любому на его месте) следует поступать? И – если перед нами второе – была ли эта

¹⁸ Рамки статьи не позволяют дать здесь сколько-нибудь обстоятельный разбор национальных, политических и социальных конфликтов, в которые были вовлечены русское меньшинство (а также еврейское, украинское, белорусское, литовское, немецкое и другие меньшинства) и польское большинство населения Царства Польского в конце XIX – начале XX вв. Об этих конфликтах, о политике российских властей в отношении Царства Польского и о жизни в дореволюционной Варшаве подробно рассказывается в только что вышедшей на русском языке монографии Мальте Рольфа (*Рольф*. 2020), к которой мы отсылаем заинтересованного читателя. Здесь же ограничимся тем, что обозначим два главных для нашей статьи момента: а) разделенность Варшавского университета на русские в большинстве своем профессуру и администрацию, с одной стороны, и польские в большинстве своем студенчество и низшие ранги научно-преподавательского состава, с другой; б) усиление русификаторской политики российской администрации, которое сталкивалось с усиливающимися полонизаторскими устремлениями польских студентов и общественности.

¹⁹ Об этом см. *Вульф*. 1915: 195.

система уникальной, свойственной только Ю.В. Вульффу, или встречалась и среди его коллег?

При поиске ответов на эти вопросы будет применено понятие этоса. Этос здесь будет пониматься как комплекс взаимосвязанных представлений о том, как должен и как не должен действовать человек, выступая в определенной социальной роли. Часто этос бывает специфичен не столько для индивида или группы, сколько именно для той или иной социальной роли.

В отличие от норм нравственности вообще, а равно от общих норм права, этикета или религиозных заповедей, этос представляет собой неписанный кодекс поведения, то есть не излагается в обобщенном систематизированном виде, хотя – в отличие от ментальности – его нормы обычно людьми более или менее осознаются и поддаются артикуляции – например, в виде различных «можно», «нельзя», «следует». Степень артикулированности и осознанности этих нормативных представлений может быть различной, но при изучении их в исторической перспективе исследователи, строя догадки и предположения, не имеют возможности задать людям прошлого уточняющие вопросы и получить аутентичные ответы. Они вынуждены ограничиваться лишь интерпретациями того, что отложилось в источниках, и представляется целесообразным если не исключительно опираться на более или менее эксплицитные свидетельства, не претендуя на выводы о том, что «на самом деле» думали авторы и что «на самом деле» определяло описываемое ими поведение. Излишне повторять, что любой эго-документ обладает своими особенностями – как жанровыми, так и ситуативными, – и здесь, как и при любой работе с историческими памятниками, действуют требования необходимой критики источников, включая учет коммуникативных конвенций, характерных для тех или иных культур.

В поиске ответов на исследовательские вопросы, сформулированные выше, отдельное внимание будет обращено на то, есть ли возможность связать те или иные представления о должном или не должном поведении с конкретной социальной ролью, в которой выступает рассматриваемый нами персонаж в определенной коммуникативной ситуации, с этосом этой роли. Априори мы предполагаем, что скорее правилом, нежели исключением являются ситуации, в которых актуальны сразу несколько социальных ролей человека: при

написании, например, письма коллеге-профессору с рассказом о забастовке польских студентов он может выступать одновременно и как представитель своей профессии, и как представитель некоего идейно-политического лагеря, и как представитель гендерной, религиозной, сословной, этно-национальной или какой-то еще субкультуры, и мн.др., и этосы этих ролей могут различаться или даже противоречить друг другу.

Наиболее напряженными и наглядными конфликты между ролевыми этосами и перемены в их иерархии становятся тогда, когда «ставки возрастают», т.е. значимость поступка для самого человека и/или кого-то из окружающих особенно высока. Одним из классических случаев такого рода являются ситуации общественно-политических потрясений, когда нарушается устоявшийся порядок жизни, когда оспариваются и ломаются очевидности, когда учащаются и обостряются ситуации «сугцванга», «трудного выбора», конфликта лояльностей.

Именно такой была ситуация в Привислинском крае²⁰ на рубеже XIX–XX вв. вообще и в Императорском Варшавском университете в частности. Рост и радикализация польского национального движения, усиление репрессий властей, форсированная политика русификации ставили многих сотрудников университета – как поляков, так и русских, как студентов, так и преподавателей, исследователей, администраторов, – перед выбором поступка, и есть основания предполагать, что этосы их социальных ролей часто вступали в противоречие друг с другом, а цена (карьерная, репутационная, моральная) поступка нередко становилась особенно высокой в силу накаленности атмосферы и повышенного коллективного внимания и требовательности к поступкам, в том числе к их символической стороне.

Многие люди в такой обстановке ощущали и повышенную потребность в том, чтобы комментировать и (де)легитимировать собственные и чужие поступки или публично, или хотя бы в общении с определенными людьми, обладавшими для них статусом инстанции этического суда. В подобного рода комментариях исследователю сравнительно часто попадаются искомые свидетельства рефлексии по поводу того, этос какой социальной роли рассматривался как

²⁰ Так в то время официально назывались польские земли, находившиеся под российским владычеством; параллельно продолжало использоваться понятие Царство Польское.

определяющий при том или ином обсуждаемом поступке.

Для поиска ответа на поставленные вопросы наиболее информативными оказались не автобиография Вульфа и не его публикации, а ряд его частных писем, тем более что, во-первых, они сохранились в подлиннике и, во-вторых, мы имеем прекрасную возможность для сопоставления их с письмами младшего коллеги и подчиненного Вульфа по Варшавскому университету – минералога и почвоведом Иосифа Феликсовича (Юзефа)²¹ Сиомы²² (1875–1938) к тому же адресату – известному естествоиспытателю Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863–1945). Оба писали ему в Москву с более или менее подробными рассказами о своей работе, об университетской жизни и об общественно-политической ситуации в Варшаве. Писем Вернадского к ним в нашем распоряжении нет, и о его вопросах или суждениях мы можем судить лишь по косвенным свидетельствам или строить догадки. Письма Вульфа и Сиомы к Вернадскому хранятся в фонде последнего в Архиве Российской академии наук. Они и составят основную источниковую базу этого исследования. Помимо них будут также привлечены некоторые другие опубликованные и неопубликованные тексты Вульфа, Вернадского и иных профессоров.

Из писем Вульфа к Вернадскому следует, что вступление в Академический союз и занятие руководящего поста в его Варшавском отделении никаких репрессий за собой не повлекло. Гонения наместились – по мнению сотрудников университета – в связи с массовым подписанием «Записки о нуждах просвещения»: в письме от 17 февраля 1905 г. Вульф сообщал Вернадскому: «Говорят, что с

²¹ В такой русифицированной форме писалось имя Юзефа Сиомы в годы его учебы и службы в российских учебных заведениях, но так же и сам он именовал себя в письмах на русском языке, адресованных Вернадскому, поэтому здесь используется эта форма.

²² Об И.Ф. Сиоме ни монографических исследований, ни крупных статей не обнаруживается. Ему посвящена только небольшая статья в Польском биографическом словаре, из которой мы узнаем, что он родился в Замостье, окончил гимназию в Житомире, а затем учился на физико-математическом факультете Императорского Московского университета, где был учеником В.И. Вернадского. Затем он работал последовательно в Варшавском университете, Воронежском сельскохозяйственном институте и Главной школе сельского хозяйства в Варшаве. См. *Chlipsiska*. 1958: 301–302; *Wójcik*. Sioma. 1996–1997: 555.

профессорами поцеремонятся, а лаборантов погонят»²³. Ректор университета – физик П.А. Зилов, бывший учитель Вульфа – разослал сотрудникам письма с запросом, правда ли, что они подписали «Записку 342 ученых», а Вульфа и еще одного коллегу дополнительно спросил, правда ли, что они собирали подписи среди коллег. Факты были всем известны, но ректор счел необходимым получить письменные признания.

Юрий Викторович отказался отвечать на это письмо. В ответ Зилов отказался предоставить ему отпуск для поездки в Женеву к жене, пока тот не даст ему ответа на запрос. Письма такого ректор, по убеждению Вульфа, не имел права писать, а тем более не мог ставить предоставление отпуска в зависимость от получения ответа на него. Это свое убеждение Юрий Викторович смог внушить попечителю Варшавского учебного округа Шварцу, причем, насколько можно судить по его собственному рассказу, не ссылаясь при этом ни на какие нормативные акты, то есть речь шла не о формальной (не)правомочности действий ректора, а о том, можно так поступать или нельзя. Попечитель в итоге согласился, что нельзя; отпуск Вульфу, хоть и с небольшой задержкой, был предоставлен, и он смог уехать в Швейцарию и увезти туда своих сыновей (9 и 11 лет), для которых он как отец считал неподходящим пребывание в охваченной революционными событиями Варшаве. О своем конфликте с ректором Вульф «считал необходимым» написать Вернадскому для сведения его и его товарищей. Демонстрировать при этом какую бы то ни было лояльность по отношению к своему работодателю – университету – и его ректору, своему бывшему учителю, Юрий Викторович явно не считал для себя необходимым: в письме, которое, как он сам предполагал, могло быть перлюстрировано, он писал, что «Зилов глуп [и] грубый насильник, с которым буквально бывает невозможно говорить. Вообще условия существования в Варш[авском] Унив[ерситете] становятся час от часу невыносимее»²⁴.

Хотя Вульф был оскорблен и возмущен действиями ректора, и пребывание в университете ему было весьма неприятно, все же

²³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 28 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 17 февраля 1905 г., здесь л. 29 об. Здесь и далее при цитировании писем расшифрованы сокращения, опущены зачеркнутые слова, а орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами.

²⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 30 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 21 февраля 1905 г. *Passim*.

мысль об уходе он – по крайней мере в письмах Вернадскому – тогда не высказывал. Но еще задолго до того, как ситуация в Привислинском крае взорвалась революцией, в которой соединились политическое и национально-освободительное движения, Юрий Викторович и сам тяготился тем, что в Варшаве польское большинство пребывало в угнетенном положении, и предполагал, что для любого поляка это должно было бы быть еще более невыносимо. На этот счет он недвусмысленно высказался в 1900 г., когда он попросил В.И. Вернадского порекомендовать ему из числа своих учеников подходящего специалиста для занятия вакантной должности лаборанта в кабинете минералогии при естественном факультете Варшавского университета, а Вернадский порекомендовал И.Ф. Сиому – поляка по происхождению. Соображения, сформулированные в это связи Юрием Викторовичем, представляются настолько показательными, что заслуживают быть процитированными, а не пересказанными. Приведем этот пространный пассаж из его письма к московскому коллеге целиком:

Не отвечал Вам до сих пор, потому что очень и очень надо было подумать. Зная, как старожил, условия варшавской жизни и наблюдав довольно пристально условия жизни поляков в России – в Петербурге и в Казани, я вынес глубокое убеждение, что самочувствие поляков вне Царства Польского лучше, чем внутри его, потому что вне его они (я говорю о людях, серьезно относящихся к жизни и не чуждающихся общественных интересов) объединяются с русскими в общем стремлении усовершенствования условий жизни в России вообще, без разбора национальности, здесь же национальный характер деятельности примет сама собою, независимо от всякого стремления к тому поляка, как бы он этого ни сторонился; да и сторониться тут может разве индифферентный к жизни человек. Уж очень сильно зло, проистекающее от порабощения одной национальностью другой, к тому же еще и с более древней культурой. Поэтому вы поймете, если откровенно признаюсь, что не могу взять на себя смелость пригласить сюда г-на Сиому и если бы я имел возможность ему давать какие-нибудь советы, то советовал бы ему не стремиться в Варшаву. Русскому здесь, конечно, легче, потому что

какую бы горечь он ни чувствовал под влиянием окружающей его действительности, он может сострадать полякам, но не страдать с ними заодно²⁵.

Здесь мы, с одной стороны, не видим соображений от лица руководителя кафедры, касающихся профессиональных качеств кандидата и интересов кабинета или университета в целом. С другой стороны, автор письма выступает одновременно и нераздельно как коллега Вернадского и Сиомы по университетскому цеху, как русский варшавянин, как приверженец либеральных политических взглядов, не одобряющий политику российского правительства в Царстве Польском и считающий, что серьезное отношение человека к жизни невозможно при безразличии к общественным интересам.

Подобная нераздельность нескольких социальных ролей и их этосов (без видимых противоречий между ними) обнаруживается и во многих других письмах Вульфа. Так, рассказывая о том, с кем он и его жена общаются в Варшаве, он четко дал понять, что считал для себя недопустимым дружить с людьми, чьи политические убеждения – в частности и в особенности по польскому вопросу – были для него неприемлемы:

Живем мы отдельной жизнью от профессоров, среди которых у нас есть два семейства хороших людей – Лагорио и Сомовы, с которыми мы близки; с остальными же сойтись нельзя, не поступившись убеждениями. Бывают у нас преимущественно молодые университетские, из семинаристов – почти все очень хорошие люди [...]. К сожалению, половину этих людей упрятали в цитадель²⁶.

Те убеждения, наличие которых делало человека в глазах Вульфа «хорошим», а отсутствие исключало возможность дружбы, – это, как видно из контекста, либеральные политические взгляды и прежде всего неприятие агрессивной русификаторской политики, которую проводило в те годы петербургское правительство в польских землях вообще и в учебных заведениях в особенности.

²⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 13 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 14 мая 1900 г. Л. 13–14 об.

²⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 8 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 28 декабря 1894 г., здесь л. 9 сл.

Упомянутый в этом письме геолог Александр Евгеньевич Лагорио (1852–1941), выросший в России прибалтийский немец, питомец Дерптского университета, в польской исторической литературе, как и Вульф, неизменно характеризуется как человек «весьма доброжелательный к полякам»²⁷ или, по крайней мере, не делавший различия между студентами и учеными разных национальностей²⁸. Вместе с Вульфом Лагорио создал в Варшавском университете ведущий научный центр европейского уровня, и около дюжины их студентов впоследствии стали профессорами в российских и польских университетах. Когда в 1898 г. в Варшаве открылся Политехнический институт, Лагорио стал его первым директором, а его кафедру в университете занял Вульф. Однако полонофильство Александра Евгеньевича имело границы, и проходили они, как впоследствии выяснилось, не там же, где у Вульфа: если Юрий Викторович всецело поддерживал требования о введении польского как языка преподавания в школах, гимназиях и высших учебных заведениях Царства Польского, то Лагорио на пике национального движения, в 1905 г., заявил, по словам Вульфа, что «голосовать против русского языка как языка преподавания может только изменник своего отечества»²⁹. Здесь перед нами нераздельность национального и гражданского этоса в представлениях уже не Вульфа, а человека его круга, бывшего некогда его единомышленником, но теперь ставшего идейным противником.

Варшавское отделение Академического союза, во главе которого стоял Ю.В. Вульф, «в своей борьбе против бюрократической высшей школы в Варшаве» пошло, по его словам, «по одному пути с польским обществом»³⁰. А многие члены советов университета, Политехнического и Ветеринарного институтов придерживались правительственного курса на русификацию. Как следует из писем Вульфа, противостояние носило в его глазах еще и нравственный характер: его противники вели себя так, как порядочным людям вести себя не подобает, – Вульф констатировал, что у членов советов к

²⁷ См., например, *Salski*. 2007: 101; *Wójcik*. Lagorio. 2016: 296–301.

²⁸ *Wójcik*. Amalickij. 2016: 42.

²⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 34 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 25 октября 1905 г., здесь л. 35.

³⁰ Там же. Л. 36.

нему и к его единомышленникам «развилась ненависть, переходившая границы дозволенного элементарною порядочностью»³¹. Сам он не остался в долгу и, со своей стороны, тоже дал своим оппонентам нелестную характеристику, в которой академические и моральные аспекты сливались воедино: «У нас нет совета, нет факультетов. Это все на три четверти своего состава шайка беззастенчивых проходимцев»³².

В условиях такого накаленного противостояния Вульф – возможно, сам того не осознавая, – порой считал необходимыми поступки, которые фактически копировали поведение его врагов, например государственных инстанций, таких как ректорат университета, которые от каждого соискателя на вакансию требовали подтвердить свою лояльность властям и с большой подозрительностью отнеслись, например, к И.Ф. Сиоме, который не смог сразу предоставить полицейского свидетельства о политической благонадежности по всей форме. Вульф, с одной стороны, негодовал по поводу практики сбора и передачи из ведомства в ведомство сведений о политической активности человека³³, а с другой стороны, счел своим долгом члена Академического союза предупредить товарищей по организации в других городах, чтобы они «относились с *крайней* осторожностью» к варшавским кандидатам на вступление в союз: оно, по его словам, могло скомпрометировать эту либеральную организацию, потому что многие из членов совета Варшавского университета и Политехнического института, решивших вступить в союз, состояли в ультранационалистическом Русском собрании «или только случайно в него не попали (Лагорио туда баллотировался, но за лютеранство не был принят). Я считаю своим прямым

³¹ Там же. Л. 36.

³² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 30 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 21 февраля 1905 г., здесь л. 32.

³³ В письме Вернадскому в дни оформления Сиомы на службу в качестве своего ассистента Вульф сообщал, что московский обер-полицеймейстер несмотря на двукратную просьбу канцелярии Варшавского университета долго не давал требуемого свидетельства по форме. «Меня, – писал Вульф, – начинает это беспокоить, тем более что ректор вашего (т.е. Московского. – К.Л.) университета обязательно сообщит, что Сиома в 1896 году был причислен к третьему разряду штрафованных за участие в беспорядках». АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 21 об. сл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 16 марта 1901 г., здесь л. 21 об.

долгом поставить Вас в известность относительно всего вышесказанного и просить Вас поставить об этом в известность и других сочленов Московского бюро»³⁴ – писал Вульф Вернадскому, бывшему активным членом руководства Академического союза.

Что касается представлений о должной лояльности по отношению к той или иной нации, то патриотизм Вульфа не носил этнического характера. Учась в германских и французских университетах, Юрий Викторович усвоил позицию ученого-космополита, для которого наука интернациональна. Он, однако, разделял науку как служение истине поверх любых национальных границ – и научно-образовательную деятельность как служение интересам «местного общества», т.е. того края, где расположен университет. Когда речь шла о Варшавском университете, Вульф – давний варшавский житель, профессор и либерал – видел свой долг в том, чтобы способствовать полонизации этого учебного заведения, даже при том, что сам он не смог бы вести занятия по-польски и поэтому считал для себя и своих коллег необходимым уход из университета в случае смены языка преподавания. После того как Варшавский университет закрылся в связи со студенческими беспорядками, Вульф и его товарищи по местному отделению Академического союза сочли, что для сохранения лица им было

никак нельзя оставаться дольше в Варшаве, хотя общество здешнее именно и желало бы, чтобы мы оставались здесь, и говорили об этом и нам лично, и в печати (см. *Gazeta Polska* № 307). Но нам нежелательно стоять на одной доске с нашими *ex-collega*'ми, чающими еще здесь движения воды. Поэтому нам необходимо искать себе пристанища в других университетских городах³⁵.

Вот разгадка той фразы, которая была приведена в начале статьи: Вульф посчитал необходимым уйти из университета не из-за невыносимых условий, не в знак протеста против русификаторства, не из-за невозможности вести занятия в связи с забастовками и обструкцией студентов, а потому, что остаться – значило бы, на его взгляд, слиться со своими идейно-политическими противниками, непорядочными людьми.

³⁴ Там же, л. 36 об.–37.

³⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 38 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 15 ноября 1905 г., здесь л. 38 об.

Юрий Викторович уехал к жене и детям в Швейцарию и оттуда, по почте, начал поиск нового места работы. Однако не любой вариант устроил бы его: помимо тех плюсов и минусов разных вакансий, которые касались статуса, оплаты труда, возможности заниматься интересующими его предметами и других прагматических моментов, ему важно было занять новое место нравственно безупречным образом: «Я говорю, конечно, о возможных конкурсах, полагая, что теперь это единственный почтенный способ замещения кафедр. Прося Вас об откровенности [в рассказе о наличных вакансиях], я однако же имею в виду те обстоятельства, которые делают и конкурсы не совсем свободными от различных этических соображений», – писал он Вернадскому в Москву³⁶. Одним из таких этических соображений была коллизия между собственной заинтересованностью в получении места и отношением к конкурентам, причем последнее было, опять же, сочетанием оценки профессиональных и личностных качеств. Подав документы на конкурс в Московский сельскохозяйственный институт, Вульф узнал, что одним из его конкурентов будет минералог, геохимик и литолог Я.В. Самойлов, ученик Вернадского, и тут же написал Владимиру Ивановичу: «Я о нем, как Вы вероятно знаете, держусь самого лучшего мнения, как о много обещающем ученом и прекрасной личности. Положа руку на сердце, я считаю его самым подходящим кандидатом в Петров[ско]-Разум[овское, то есть в Сельскохозяйственный институт], тем более, что он до сих пор состоял профессором в аналогичном учебном заведении, и я охотно уступил бы ему место, если бы сам в этом месте не нуждался»³⁷. В итоге Самойлов выиграл конкурс, а Вульф получил возможность читать курс кристаллографии в Московском университете.

Однако окончательный переезд в Москву тогда еще не состоялся: в Московском университете занятия осенью 1907 г. по политическим причинам не начались, зато несколько позже было объявлено, что Варшавский университет снова откроется с осени 1908 г. Карьерные соображения подсказывали мысль вернуться туда на четыре месяца, оставшиеся Юрию Викторовичу до выслуги положенных двадцати лет, чтобы потом выйти на пенсию и освободиться от обязательств, необходимости искать место и т.п.; а кроме того, каза-

³⁶ Там же. Л. 39–39об.

³⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 43 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Женева, 16 мая 1906 г., здесь л. 43об.–44.

лось, что были некоторые основания для надежд на перемены. Вернуться в обновленный университет – это не то же самое, что в прежний, то есть это не значило бы отступить от своей принципиальной позиции, заставившей Вульфа в свое время покинуть Варшаву. Но сомнения оставались, и он обратился за советом к Вернадскому: «Мне очень интересно и важно знать, каково Ваше отношение к возвращению в университет. Получив нравственное право возвращения, я все же не чувствую возможности воспользоваться этим правом до тех пор, пока не выяснится, какую роль я буду в состоянии принять на себя в общем деле»³⁸. Мы не знаем, что ответил Вернадский; так или иначе, Вульф в 1908 г. возвратился на некоторое время опять в Царство Польское и восстановился на профессорской должности в Варшаве, однако ему сразу же стало ясно, что если университет и обновился, то вовсе не в том направлении, на которое он рассчитывал, а ровно наоборот: если прежде основную массу студентов составляли поляки³⁹, то после закрытия и повторного открытия польских студентов, по подсчетам Вульфа, стало лишь около 4%. Подавляющее большинство учащихся теперь составляли выпускники семинарий из глубинных российских городов, которых власти сознательно направляли именно в Варшаву. Заправляли теперь в университете люди, в характеристике которых Юрий Викторович вообще не упомянул ни научных, ни управленческих качеств, зато вновь отождествил личностный и политический аспекты: «закоренелые варшавские ультрареакционеры или люди двойкого образа мыслей, или же люди совсем без всякого образа мыслей»⁴⁰.

На следующий день по приезде известный своим либерализмом профессор получил приглашение явиться к попечителю Беляеву. Об их разговоре мы узнаем из письма Вульфа к Вернадскому. Попечитель, хорошо знакомый с Юрием Викторовичем, от имени министра задал ему вопрос, «насколько я [т.е. Вульф] нахожу совместимым мое дальнейшее пребывание в Варш[авском] университете с моими убеждениями, которые я открыто высказывал»⁴¹. Смысл ответа Вульфа, по его словам, был приблизительно следующий: «Прямой

³⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 46 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Москва, 25 апреля 1907 г.

³⁹ Около 2/3, по подсчетам за 1899–1905 гг. См.: *Баженова*. 2013: 246.

⁴⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 53 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 1 сентября 1908 г., здесь л. 53.

⁴¹ Там же.

ответ на поставленный вопрос я считаю делом личной совести, видя же в вопросе косвенное указание министра на нежелательность моего пребывания в Варш[авском] унив[ерситете], я заявляю, что доле срока выслуги пенсии (7-го ноября этого года) я сам не желаю оставаться»⁴².

Убеждаясь с каждым днем все больше, что «о существе дела никто и не думает, исполняют лишь формальные приказания министерства»⁴³, и что «университет стал еще более бюрократическим учреждением, чем был раньше, и на нем уже будет без обиняков развиваться истинно русское знамя» (тут мы видим нераздельность учебно-академического и национально-политического аспектов в представлениях Вульфа о том, каким должен и каким не должен быть университет), он в первый же день подал заявление о намерении уйти сразу по выслуге пенсии. Встал вопрос о преемнике. В своем заявлении профессор сообщил: «Считаю своим долгом указать факультету на Вейберга как на возможного моего заместителя»⁴⁴. Хранитель музея минералов Сигизмунд Александрович (Зигмунт) Вейберг был учеником Лагорио, давним подчиненным и соратником Вульфа, пользовался его большим уважением, а кроме того обладал тремя характеристиками, которые Юрий Викторович считал необходимым принимать во внимание: он был хорошим ученым, он не имел даже магистерской степени, и он был поляком. «Формальных прав у Вейберга меньше, чем у других», – признавал Вульф, рассказывая Вернадскому о своем выборе: во-первых, возглавлять кафедру мог только обладатель ученой (предпочтительно докторской) степени, а во-вторых, на такие должности не допускались лица католического вероисповедания, то есть поляки. Но эти ограничения Юрию Викторовичу, по всей видимости, не казались такими уж непреодолимыми, поскольку он не признавал их обоснованности. По его мнению, рекомендуя факультету такую кандидатуру, он «нисколько не грешил против справедливости в научном отношении», поскольку Вейберг «в науке заслужил себе известность и не будучи магистром». Задавшись вновь вопросом, имеет ли Вейберг формальное право занять после него кафедру, Вульф сформу-

⁴² Там же. Л. 53 сл.

⁴³ Здесь и далее в этом абзаце цитаты по: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 53 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 1 сентября 1908 г., здесь л. 53 об. и сл.

⁴⁴ Там же.

лировал убежденный (хотя и сомнительный с точки зрения университетского устава) ответ, в котором дал понять, что единственным критерием такого права он признавал лишь фактический вклад в науку: «Имеет, так как у нас есть звание исправляющего должность доцента, которая занималась как очень почтенными людьми в ожидании магистерской степени, так и совершенными ничтожностями». Под последними Вульф имел в виду людей, за свою карьеру «не написавших ни единой ученой строчки»⁴⁵.

Предлагая в качестве преемника поляка, Вульф поступал совершенно по-разному, как он понимал свой долг перед Вейбергом, перед наукой, перед студентами, однако реального решения проблемы преемника такая рекомендация обеспечить не могла. Рекомендовать с расчетом на успех можно было только русского или немца. Но второй вариант Вульф даже не рассматривал, а первый отверг:

Я не могу, – объяснял он свою позицию Вернадскому, – указывать на других, русских минералогов, потому что *им* не могу советовать садиться на мое место. Быть может, они будут чувствовать себя на нем прекрасно, но для меня это место очень неудобно и неприятно, и потому я и не могу его рекомендовать другим. Я уверен, что Вейберга не возьмут, но я считаю, что мое место принадлежит ему по праву, как место в Варшаве⁴⁶.

Как видим, по прошествии нескольких лет представления Ю.В. Вульфа о том, кому он должен, а кому не должен рекомендовать устройство на работу в Варшавский университет, изменились: если в 1900 г. он полагал, что должен отговаривать И.Ф. Сиому от переезда в Царство Польское, ибо жизнь в этом порабощенном крае неминуемо будет для того страданием, поскольку он поляк, то теперь, в 1908 г., после того как сам он пережил немало страданий вместе с поляками и за них, а Сиома (как мы увидим ниже), наоборот, явно не столь уж тяготился своим положением, Вульф считал, что не может предлагать свое «неудобное и неприятное» место русскому, а обязан оставить его именно поляку, ибо тот в силу своей национальности должен бы иметь преимущественное право занимать

⁴⁵ Все цитаты – там же.

⁴⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 53 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 1 сентября 1908 г., здесь л. 53 об сл.

должность в главном учебном заведении польской столицы. Показательно, что Вульф взвешивал научные заслуги и национальные чувства или права кандидатов, но совершенно не рассматривал вопрос с точки зрения того, кто был бы лучшим лектором или лучшим руководителем кафедры и лаборатории: он явно не считал себя более обязанным печься об интересах университета – такого, каким тот теперь стал. Это учреждение Юрий Викторович рассматривал уже только как место, где ему надо вытерпеть пару месяцев до выхода на пенсию.

Состав студентов, как уже было сказано, почти полностью сменился, и о том, чтобы читать лекции по-польски для русских слушателей, говорить было бы нелепо, но всем была известна принципиальная позиция Вульфа: Варшавский университет должен стать польским учебным заведением. Поэтому после его возвращения попечитель учебного округа Беляев в описанной выше беседе спросил его, на каком языке он намеревается читать лекции. Вульф, по собственным воспоминаниям, ответил: «В моих намерениях никогда не было читать лекции на языке, которым я не владею в должной мере, т.е. данном случае на польском»⁴⁷. Это означало и намерение читать по-русски, и намерение при осуществлении желанной цели перестать читать вовсе. Такая позиция показалась Беляеву противоречием, и он удивился, почему же в таком случае Вульф стоял за чтение в Варшавском университете лекций на польском языке. Юрию Викторовичу, по собственному признанию, «было бы трудно объяснить ему теперь, что не всегда же люди руководствуются в своих поступках личными целями»⁴⁸.

Такая позиция по национальному вопросу снискала профессору симпатии польских студентов и коллег: они не только сами, по собственной воле, разговаривали с Вульфом и его единомышленниками по-русски⁴⁹, но и доверили Юрию Викторовичу хранение документов подпольного национально-освободительного общества, когда возникла угроза обысков у его членов, и предлагали профессору оставаться и вести занятия на русском даже при успехе борьбы

⁴⁷ Вульф. 1915: 190–191.

⁴⁸ Вульф. 1915: 190–191.

⁴⁹ Вульф. 1915: 194–195.

за полонизацию⁵⁰. После того как Польша обрела независимость и Варшавский университет стал полностью польским, пишет Збигнев Вуйчик, ссылаясь на архивные данные (не названные, к сожалению), факультет естественных наук «основал кафедру, которая должна была открыться, как только Вульфа отпустят из Москвы»⁵¹. Но Юрий Викторович не только не хотел быть русскоязычным лектором в польском университете, но и не имел возможности выехать из Советской России: даже когда в начале 20-х годов некоторым ученым были разрешены поездки за рубеж, Вульф писал Вернадскому: «Я очень бы [...] желал поехать за границу, но без жены не хочу, тем более, если ее придется оставить заложницей»⁵². В отличие от ситуации начала века, когда Вера Васильевна, уже тогда слабая здоровьем, проводила большую часть времени в Швейцарии, а Юрий Викторович приезжал к ней только в отпуск, основное время посвящая работе, теперь верх взял этос верного мужа, заставлявший его не покидать супругу в ситуации, угрожающей как в медицинском, так и в политическом смысле: туберкулез у Веры Васильевны прогрессировал, а от новых властей можно было ожидать гораздо больших неприятностей, чем в 1905 г.⁵³, тем более что один из сыновей Вульфов участвовал в Гражданской войне на стороне белых и, эвакуировавшись вместе с Белой армией в Галлиполи, остался жить в Греции, а иметь родственника-белоэмигранта было для гражданина Советской России опасно. Ю.В. Вульф больше не ездил в зарубежные научные центры. Он работал в Московском университете и занимался культурной работой в Тарусе до своей кончины в 1925 г.

Но это было потом, а в 1908 г. этого предвидеть было невозможно; а ясно было лишь, что цель полонизации не только не достигнута, а наоборот, отдалилась еще больше. Это, по мнению

⁵⁰ О том, что политическая позиция профессоров на рубеже XIX–XX вв. стала наряду с ученостью и педагогическим мастерством третьим важнейшим фактором, определявшим отношение к ним студентов российских высших учебных заведений, пишут *Иванов, Кулакова*. 2013: 120.

⁵¹ *Wójcik*. Wulf. 2016: 503.

⁵² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 374. Л. 10 Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Москва, 6 марта 1922 г. Вера Васильевна Вульф в это время была уже очень больна, безвыездно жила в Тарусе и в 1923 г. скончалась там же. Неполных два года спустя умер и сам Юрий Викторович.

⁵³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 30 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 21 февраля 1905 г.

Вульфа, превратило Варшавский университет полностью в бюрократическое русификаторское учреждение и было плохо не только потому, что делало его бесполезным для местного польского общества, но и потому, что заставляло окончательно забыть об университетской автономии, а в ней Вульф как академический работник видел важную ценность. Рано или поздно, по его убеждению, Варшавский университет должен был стать «просветительным органом местного общества», т.е. стать именно польским высшим учебным заведением, а не русским. Для этого, однако, были необходимы «общие политические условия», а под таковыми Вульф подразумевал преодоление излишней, по его оценке, зависимости курса российского правительства от Германии: «Немцам совершенно не с руки эмансипация польского народа, и потому надо ждать, когда вообще Россия эмансипируется от сильного влияния на ее внутреннюю политику наших добрых соседей-немцев. Авось англичанка поможет!»⁵⁴ – писал он осенью 1913 г., не подозревая, что меньше чем через год начнется Первая мировая война, которая положит конец сначала влиянию Берлина на политику Петербурга, а в конце концов и российскому, германскому и австрийскому владычеству над разделенной Польшей.

Но если как гражданин Вульф и был недоволен немецким влиянием на политику правительства, то как ученый он рассматривал немецкоязычный научный мир в качестве важнейшей «среды обитания» для исследователя, озабоченного интересами совместного движения к научной истине. Он опубликовал ряд собственных статей по-французски и по-немецки, а кроме того готовил для журнала *Zeitschrift für Krystallographie*, издаваемого в Мюнхене его учителем Паулем Гротом, немецкоязычные рефераты статей российского кристаллографа Е.С. Федорова, которого Грот очень ценил как ученого, но называл «дикарем» за неспособность писать на иностранных языках⁵⁵. В письме Вернадскому Вульф, рассказывая о публикации статьи своего ученика в этом же германском журнале, подчеркивал, что разделяет мнение Владимира Ивановича о «желательности, чтобы иностранцы считались с нашей научной литературой», однако, ссылаясь на «личный горький опыт», подчеркивал, что «печатать свои работы на одном отечественном языке совершенно невозможно,

⁵⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 48 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 3/16 июня 1908 г., здесь л. 48 об сл.

⁵⁵ *Wójcik*. Wulf. 2016: 505.

если желаешь жить полною научною жизнью, не знающей национальных рамок. Каждая работа, напечатанная на таком распространенном в научном мире языке, как немецкий, вызывает немедленный отклик, под влиянием которого идешь дальше вперед, совершенствуя приемы исследования и исправляя свои ошибки. [...] Что бы было с работами Федорова, если бы он не перешел на немецкий язык? Нет, Владимир Иванович, никак нельзя и не следует нам, русским, ограничиваться печатанием наших работ только на русском языке!»⁵⁶

Вернадский, как прекрасно было известно Вульфу, вовсе не был великорусским шовинистом или изоляционистом. Ряд своих статей он тоже напечатал в германских и французских журналах, знал не только наиболее «распространенные в научном мире» западноевропейские языки, но и польский, который выучил по собственной воле, чтобы читать на нем литературу по истории Украины (языком которой он тоже владел). Однако он считал, что вклад русских ученых по сравнению с иностранными недооценивается, и очевидно, в письме к Вульфу высказался в том смысле, что в идеале публикации на русском языке должно бы быть достаточно для участия в международной научной коммуникации. Утопичность этого пожелания была Юрию Викторовичу ясна как мало кому другому, поскольку он был хорошо знаком и со многими зарубежными учеными, и с редакционной «кухней» ведущего германского периодического издания по общей для него и Вернадского дисциплине – кристаллографии. Вероятно, поэтому он позволил себе, едва ли не единственный раз во всей переписке, обстоятельно и довольно резко возразить. Его эмоционально нагруженная фраза, начинающаяся с многократного отрицания и завершающаяся восклицательным знаком, – один из очень немногочисленных случаев открыто выраженного в письме несогласия с Вернадским.

Здесь мы подходим к теме этоса коммуникации: в каком тоне Юрий Викторович считал необходимым общаться со своим московским корреспондентом? Они были ровесниками, коллегами по цеху, политическими единомышленниками, товарищами по Академическому союзу, статус их был более или менее одинаков, в сфере ми-

⁵⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 374. Л. 7слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Москва, 10 ноября 1913 г.

нералогии у них были общие научные интересы, т.е. их многое объединяло и сближало, однако письма Вульфа к Вернадскому всегда были выдержаны в очень почтительном, вежливом, теплом, но не приятельском тоне. В тех случаях, когда в письме описываются какие-то возмущившие его события – например, тяжелые разговоры с начальством или конфликты между членами Академического союза и членами совета университета в период обострения национальных и политических противоречий, – Вульф, видимо, чувствовал некоторую неловкость из-за того, что излил на бумагу переполнявший его гнев вместо того, чтобы сформулировать рассказ более спокойно и отстраненно, как ему казалось бы более корректным, и тогда он делал в конце приписку, прося «простить поспешность письма». Но даже в таких торопливо и взволнованно написанных посланиях он почти никогда не забывал в конце передать добрые пожелания супруге В.И. Вернадского Наталии Егоровне, а также несколько раз его детям; рассказывая о пребывании в Париже, он упоминал об общих знакомых, о своей невесте: этос этих отношений, как мы видим, предполагал необходимость, с одной стороны, неизменного описания их именно как дружбы семьями, а с другой – необходимость коммуникации не в панибратском, а в как можно более спокойном, почтительном и деловом тоне. Редкие отступления от него Вульф себе позволял, т.е. не переписывал «поспешное» и потому более обычного взволнованное письмо заново, но считал необходимым все же показать, что сознает за собой некоторую некорректность.

Другой пассаж, в котором Ю.В. Вульф выразил – тоже обстоятельно, но гораздо менее резко и эмоционально – свое несогласие с В.И. Вернадским, был процитирован в начале статьи: он касался предложенной Вернадским кандидатуры И.Ф. Сиомы на должность лаборанта в минералогический кабинет, который Вульф создавал в Варшавском университете.

Завершая на этом рассмотрение этосов социальных ролей, предстающих перед нами в письмах Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому, мы констатируем, что на протяжении многих лет их автор то и дело сочетал – или, пожалуй, правильнее сказать: почти нигде не разделял – представления о должном или неподобающем поведении в ролях ученого (исследователя и преподавателя), друга-коллеги, русского варшавянина, члена либеральной организации и порядочного человека, озабоченного этическими моментами в карьерных делах.

Было ли это уникальной особенностью Юрия Викторовича?

Знакомство с поступками и высказываниями ряда его коллег позволяет дать на этот вопрос отрицательный ответ. Особенно часто встречаются в источниках начала XX в. свидетельства того, что определенная политическая позиция рассматривалась университетскими деятелями одновременно и как позиция нравственная. Так, например, когда в октябре 1905 г. по призыву РСДРП студенты многих высших учебных заведений способствовали тому, чтобы рабочие использовали аудитории как площадки для политических митингов, а власти потребовали от университетских администраций эту практику пресечь, общее собрание Петербургского отдела Академического союза постановило, что «при наличных условиях политической жизни нельзя противодействовать устройству митингов» в стенах высших учебных заведений: члены Академического союза «не имеют и нравственной почвы» для этого⁵⁷. Точно так же совет профессоров Петербургского электротехнического института постановил в октябре 1905 г. не выполнять приказа генерал-губернатора Трепова о запрете митингов, обосновав это тем, что «не имеет не только возможности, но и нравственного права препятствовать устройству публичных собраний в помещениях института»⁵⁸. Весьма показательными в этом отношении являются и свидетельства, связанные с «делом Кассо». В числе тех профессоров и приват-доцентов, которые уволились в 1911 г. из Московского университета, были как близкие к кадетам В.И. Вернадский и Ю.В. Вульф (перешедший в Москву из Варшавы двумя годами ранее, после выхода на пенсию), так и многие другие ученые, в том числе придерживавшиеся иных политических взглядов или заявлявшие о своей аполитичности. Как писал в процитированном выше письме Е.Н. Трубецкой, «правительство решилось вышвырнуть вон всё порядочное». В интерпретации событий многими участниками и современниками, включая Вернадского и Трубецкого, весьма важным кажется то, что политически мотивированное административное действие министра было истолковано ими не столько как акт подавления свободы собраний, ущемляющий права и интересы профессоров и студентов как граждан, сколько, прежде всего, как действие, направленное против порядочных людей и само по себе непорядочное – как

⁵⁷ Мартюв. 1909–1914: 189. Цит. по: *Лейкина-Свирская*. 1981: 112.

⁵⁸ Известия Ленинградского электротехнического института. 1957: 16–17. Цит. по: *Лейкина-Свирская*. 1981: 113.

оскорбление достоинства ученых, органов университетского самоуправления и, таким образом, всей университетской корпорации – то есть, это был вопрос автономии и одновременно этики. Реакция же в виде протестной отставки представлялась им (по крайней мере, многим из них) не актом политической борьбы, а именно нравственным поступком. По нравственным же соображениям многими ушедшими профессорами исключалась потом и возможность возвращения в университет в индивидуальном порядке: это было бы предательством по отношению к коллегам. Конечно, нельзя считать, что позиция уволившихся в 1911 г. позволяет сделать выводы обо всех российских профессорах, которых на тот момент было уже около четырех тысяч⁵⁹. Исследователи А.Е. Иванов и И.П. Кулакова, констатируя, что «специфика научного знания, сходные условия научно-педагогического труда, более или менее равные возможности академической карьеры профессоров и преподавателей превращали их в фактически бессловную профессионально-корпоративную группу интеллектуалов со своей субкультурой», все же не склонны абсолютизировать сходство: «Групповое сознание, впрочем, не лишило профессоров свободы в выборе жизненных путей и потому не детерминировало жестко их поступки и высказывания»⁶⁰. Но в рамках нашего исследования представляется достаточно обоснованным сделать из этого наблюдения следующий промежуточный вывод: нераздельность академических, политических и нравственных аспектов в представлениях о должном и не должном поведении явно не была уникальной чертой Ю.В. Вульфа.

Была ли она свойственна представителям российской профессуры независимо от специальности, политических убеждений, национальности, вероисповедания, места службы, возраста? На этот вопрос ответ сможет дать только обширное исследование, охватывающее множество индивидуальных биографий. Здесь же мы ограничимся указанием на мнение В.И. Вернадского, который открыто декларировал теснейшую связь профессиональных, идейно-политических и личностных аспектов в этосе университетского работника – и давал ей объяснение. По его мнению, сам род занятий ученого в принципе предопределяет либеральную политическую позицию,

⁵⁹ Иванов. 1991: 208.

⁶⁰ Иванов, Кулакова. 2013: 134. Синонимичное использование понятий «субкультура» и «групповое сознание» представляется спорным, но возражения против него не касаются главного тезиса авторов.

причем именно как личностное качество: «Научная работа развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиниться министерству»⁶¹. Это Вернадский относил как к исследовательской ипостаси академического работника, так и к преподавательской: подавшие в отставку профессора, пояснял он, сочли необходимым это сделать потому, что просто не видели для себя возможности «подчиниться унижению, оскорблению, участвовать в моральном разрушении величайшего национального учреждения»; ведь, поступая тем или иным образом в обстановке правительственного давления, профессор оказывает воздействие не только на собственную жизнь, но и на будущее университета как учебного заведения:

Автономия и свобода преподавания теснейшим образом связаны с высоким понятием личного достоинства, полной личной независимости в академической области, высоким положением преподавателей высшей школы в среде родной их страны. Они не могут переносить без определённого и достойного ответа оскорблений и унижений, каким подвергаются они сами или составляемая ими автономная коллегия. В известных случаях подчинение такому унижению, безропотное перенесение оскорблений ведёт к полному разрушению основ существования школы, так как лишает её возможности возродиться сильной, живой и свободной, когда наступят лучшие времена государственной жизни⁶².

Разумеется, существовали, в том числе в Московском и в Варшавском университетах, профессора, придерживавшиеся иных взглядов – и политических, и научных. Порой разногласия в одной сфере влияли на отношения в другой. Так, например, ученик Вульфа Н.Е. Успенский, обвиняя А.Е. Лагорию в неспособности оценить по достоинству новое слово в науке, прямо увязывал это с его отношением к властям. Дело в том, что Лагорию, судя по всему, дал неофициальный отрицательный отзыв на докторскую диссертацию, кото-

⁶¹ Вернадский. 1911: 128.

⁶² Вернадский. Разгром. 1911.

рую Вульф представил к защите в Ученый совет Варшавского университета в 1895 г. и которая была дана на отзыв профессорам Лагорио и Амалицкому. Обоих Вульф весьма уважал как ученых, своих учителей и политических единомышленников. Но Лагорио, как мы видели выше, впоследствии поменял свою позицию по польскому вопросу, а кроме того в 1904 г. он стал управляющим Учебным отделом, членом Совета по учебным делам и председателем Ученого комитета Министерства торговли и промышленности. Имея это в виду, Успенский в 1926 г. писал: «Лагорио, впоследствии занимавший один из видных постов при царском правительстве, типичный бюрократ по душе, не оценил [...], не пропустил в Варшаве докторской диссертации Георгия Викторовича»⁶³.

Существовало ли в университетской среде иное понимание взаимоотношений между наукой, политикой и нравственностью и, соответственно, между этосами социальных ролей ученого, ответственного гражданина и порядочного человека? На этот вопрос есть все основания ответить положительно, хотя на данный момент и нет возможности сказать, насколько это мнение было распространено. Во всяком случае, строго отделять научную сферу от политической требовали представители движения, которое получило название «академизма», но, при всем сходстве названий, представляло точку зрения, противоположную той, которую отстаивало «академическое движение». Совет Московского университета, который его ректор кадет А.А. Мануйлов вынужден был в период революции 1905–1907 гг. несколько раз закрывать из-за студенческих беспорядков, в 1907 г. провозгласил: «Вне университета мы, как граждане, принадлежим к тем партиям, программы которых разделяем, но в университете – мы только академические деятели [...] Отступление от этого принципа грозит неминуемой гибелью [университета]»⁶⁴. Различать разные социальные роли, разные обязанности призывал в

⁶³ Успенский. 1926: 19. Относительно причин, по которым Вульфу пришлось защищать диссертацию в Одессе, а не в Варшаве, существуют различные версии, и А.С. Сонин, рассматривая их в своей монографии, приходит к выводу, что, скорее всего, коллеги-минералогии на самом деле не поняли физико-кристаллографическую концепцию Вульфа, но прикрыли свою недостаточную компетентность формальными аргументами, сославшись на недостаточный объем диссертации. См.: Сонин. 2001: 85–86.

⁶⁴ Ильченко. Без даты, без пагинации.

1911 г. и профессор Московского университета зоолог Г.А. Кожевников, отрицавший за собой принадлежность к какому бы то ни было политическому лагерю. Он подчеркивал, что «у человека есть долг перед разными лицами, делами, учреждениями. [...] признав за долг перед товарищами выход в отставку, профессор тем самым нарушает долг перед учениками, перед наукой, перед научным учреждением». По мнению Кожевникова, только люди нечуткие и непроницательные могли «неподачу» в отставку квалифицировать «как поступок трусливый, некрасивый, безнравственный и т. п.» или наоборот, «приветствовать этот акт как знак полного одобрения всех министерских циркуляров». Определяя, как следует поступить ему самому, он считал, что «ни при каких обстоятельствах не следует покидать своего поста» и «менее всего допустим уход откуда бы то ни было в виде протеста против чего бы то ни было», потому что «пока профессор может работать в научном учреждении, и пока он может принести какую-либо реальную пользу этому учреждению, он имеет полное нравственное право оставаться на своем посту»; долг его – «всеми силами своего ума и воли содействовать развитию науки и усвоению ее учащимися – и только», а «быть выразителем каких-либо политических идеалов и общественных настроений» Кожевников не считал «задачей профессора как такового»⁶⁵. Неоднократно цитировавшийся выше историк А.Н. Савин, как отмечает А.В. Шарова, не разделяя правых политических взглядов В.И. Герье и резко отзывался о них, однако с интересом и уважением относился к его научной работе и «посчитал для себя невозможным» в 1909 г. отказать от участия в праздновании юбилея его университетской деятельности, «хотя не все его коллеги проявили подобную учтивость»⁶⁶.

Но, пожалуй, наиболее интересен для сопоставления случай И.Ф. Сиомы – научного работника, который демонстрировал свои представления о должном и недолжном, находясь долгое время совсем рядом с Ю.В. Вульфом и адресуясь тем же способом – в письмах – к тому же адресату, В.И. Вернадскому.

Как было сказано в начале статьи, И.Ф. Сиома был В.И. Вернадским предложен Ю.В. Вульфу на должность лаборанта. Юрий Викторович, вначале отрицательно отнесшийся к этой идее, вскоре отступил от своей позиции и не только согласился взять Сиому, но

⁶⁵ Все цитаты – из брошюры *Кожевников. 1911: passim*.

⁶⁶ *Шарова. 2012: 36.*

и приложил изрядные усилия для того, чтобы добиться одобрения этой кандидатуры ректором и попечителем. В итоге ученик Вернадского получил место в Варшавском университете.

Если Вульф был прав в своем предположении, что Сиома как поляк будет страдать от порабощения российской властью и из учебного неизбежно, независимо от своей воли, превратится в деятеля национально-освободительной борьбы, то мы с большой вероятностью должны были бы увидеть в письмах Сиомы свидетельства того, как этос представителя, борющегося угнетенного польского народа, диктует ему те или иные решения. Однако этого мы почти не обнаруживаем. В письмах Сиомы к Вернадскому не встречается никаких оценочных комментариев относительно российского владычества в Польше вообще и русификации учебных заведений в частности, никаких намеков на собственные чувства по ее поводу. Он ограничивался, самое большее, полунамеками, как, например, когда сухо констатировал, что поляк не мог надеяться стать в Варшавском университете профессором, а потому размер ассистентского оклада был для него особенно важен: «Здесь для ассистентов-поляков не лишено большого значения определение материального положения ввиду того, что это последняя ступень научно-педагогической карьеры»⁶⁷.

О борьбе польских студентов за преподавание на родном для них языке и вообще о студенческих волнениях Сиома упоминал несколько раз, как правило отдельной фразой под конец письма, не вдаваясь в подробности и почти нигде не выказывая ни малейшего сочувствия к ним. Например, в феврале 1911 г. он приписал к своему письму В.И. Вернадскому такой постскрипtum: «У Вас, кажется, опять тяжелое время в виду смут. К нам только забегают слухи, но пока тихо. Только по поводу местных инцидентов волнуется Политехнический Институт»⁶⁸. Исключение составляет письмо от 2 марта 1902 г., большая часть которого посвящена именно студенческим волнениям – причем, как опять подчеркнул Сиома, в основном не в университете, а в Политехническом институте. Это письмо включает в себя следующий, уникальный по своей эмоциональности, пассаж, который касается, впрочем, не варшавских, а московских событий:

⁶⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 13 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 15 октября 1902 г., здесь л. 14 об.

⁶⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 10 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 11 февраля 1902 г.

Известия о судьбе студентов, замеченных во время беспорядков, произвели на нас угнетающее впечатление. Неужели до этого доходит? Здесь у меня есть знакомый студент, бывший студентом в Москве, у которого два брата там на медицинском, один на пятом, оба они попались и определены в первую категорию. Он страшно беспокоится. У них старуха мать – больная! Сколько тяжелых положений может создать подобный исход! Бедняга студент постоянно у меня спрашивает, нет ли у меня достоверных известий, какая судьба ожидает участвующих в беспорядках⁶⁹.

И еще однажды Сиома позволил себе эмоционально окрашенную характеристику ситуации в Варшавском университете в условиях послереволюционной реакции. В качестве извинения за вновь отложенную поездку в Москву для сдачи магистерских экзаменов он написал Вернадскому в 1909 г., что не может больше свободно распорядиться своим временем: «Ввиду разных обстоятельств и шаткости моей базы в университете при той аракетевщине, которая пошла с некоторых пор, пришлось взять уроки»⁷⁰.

Лишь один раз И.Ф. Сиома продемонстрировал свое представление об этосе социальной роли «поляка», диктующем ему определенный образ действий. В 1901 г. он написал Вернадскому: «Что касается изучения минералогии Польши, считаю это своим долгом и рассчитываю вести совместно с калориметрическими работами»⁷¹. Как видим, речь идет не о том, что ученый превратился в страдающего и борющегося поляка, а о том, что служение своей родине этот ученый видел в изучении именно ее природы. Вряд ли И.Ф. Сиома полагал, что ареалы тех или иных минералогических явлений совпадали с границами Польши, и в этом смысле можно говорить о том, что патриотическая позиция заставляла его поставить на первое место не служение отвлеченной и универсальной научной истине, а прикладное народнохозяйственное значение научных исследований для развития экономики его родного края. Об этом же говорит и то,

⁶⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 11 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 2 марта 1902 г., здесь л. 11 об.

⁷⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 59 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 28 января 1909 г., здесь л. 59.

⁷¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 9 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 10 ноября 1901 г., здесь л. 9 об.

что он выступал преимущественно в институциях, связанных не с фундаментальной наукой, а с популяризацией научных знаний (Музей промышленности и сельского хозяйства, журнал «Вселенная»), с прикладным знанием (Садоводческое общество), и одно время все-таки думал о работе в лаборатории почвоведения. В письмах к Вернадскому Сиома рассказывал о своих полевых изысканиях в самых разных районах Центральной Европы – в Баварии, в Тюрингии, в Чехии, в Гарце и Карпатах, – но главное внимание он, хоть и не упоминая более о долге, уделял горам в Польше, т.н. Лысогорью в районе г. Кельцы⁷². Впоследствии, впрочем, он несколько лет проработал в Сельскохозяйственном институте в Воронеже, где в 1913 г. получил место профессора и с увлечением исследовал известняковые породы окрестностей этого российского города. После восстановления независимости Польши, однако, он переселился в Варшаву и там до самой своей смерти в 1938 г. возглавлял кафедру почвоведения Главной школы сельского хозяйства. Все эти годы он поддерживал переписку с В.И. Вернадским. Следует отметить, что, хотя Вернадский владел польским языком и Сиома об этом явно знал, ученик писал учителю всегда по-русски, только дублируя в скобках по-польски отдельные термины, заглавия польских книг и статей, названия учреждений и т.п. Единственное упоминание им патриотизма (причем русского, а не польского) выглядит едва ли не курьезом – но, судя по контексту, оно было скорее проявлением уязвленной гордости, которое Сиома позволил себе не сдерживать, когда сам уже достиг высокого научного положения, став доктором наук, профессором и заведующим кафедрой: в 1925 г. он упрекнул Вернадского разом и в пренебрежении к концепции русского ученого, и в неподобающем игнорировании работы собственного ученика (т.е. самого Сиомы):

Вы, оказывается, присоединяетесь к взгляду J. Walther'a на пустынные корки. Это, Владимир Иванович, по крайней мере непатриотично. Неужели Вы не придаете никакого значения указаниям Обручева относительно независимости корок от инсоляции. [...] Если уж согласиться, что учителю подобает игнорировать ученика (Наблюдения по мин[ералогии] и лит[ологии] Лысогорья). Это, правда, м.б. мелочь. Мне показалось,

⁷² Сиома. 1917.

однако, интересным несколько углубиться в эту мелочь, и написал статью [...]»⁷³.

В остальном же свои соображения о том, как следует или не следует поступать, Иосиф Феликсович формулировал скорее косвенно, в понятиях сомнения, выбора, опасений: «В качестве заведующего станцией я не буду в состоянии, по крайней мере на время, работать согласно влечению, и это меня пугает, в равной мере как и то, что я мало подготовлен, чтобы принять на себя обязанность заведующего»⁷⁴. В одном эпизоде он упомянул о «приличии», однако не в нравственном смысле, а скорее в эстетическом: в августе 1901 г. он сообщил Вернадскому, что во время одной из поездок у него украли багаж, и намекнул, что ему пришлось заказывать себе у портного новый городской костюм и это не позволило ему выполнить намеченный план полевых изысканий: «Приведение себя к приличному габитусу (я остался в одном только дорожном платье) отняло несколько времени, так что я и в Собешине еще не был, а от поездки в Домбровский бассейн совершенно принужден отказаться, также как и от посещения Бердичева и его окрестностей»⁷⁵.

Представления о том, как ему следует трудиться, Сиома на заре своей карьеры изложил в виде сравнения себя с С.А. Вейбергом, уже работавшим в это время у Вульфа:

[...] внимание его всецело поглощают лабораторные занятия; сидит он в лаборатории до 8 ч. вечера и не удовлетворен еще – говорит, что у него мало времени на работу, так к[ак] приходится час-другой посвящать занятиям вне лаборатории. При таком работающем товарище я очень неказисто себя отрекомендую, но буду стараться не «ударить лицом в грязь», так как и меня влечет к «работе»⁷⁶.

Ни разу в письмах Сиомы к Вернадскому не встречаются характеристики ученых, содержащие хотя бы намек на слитную

⁷³ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 67 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому. Скерневице, 19 марта 1925 г., здесь л. 67.

⁷⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 1 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Ожорск, 28 июня 1901 г., здесь л. 4.

⁷⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 6 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Люблин, 29 августа 1901 г., здесь л. 7.

⁷⁶ Там же, л. 7 об.

оценку их политической позиции, человеческих качеств и научных достоинств. О том, что Иосиф Феликсович отделял профессиональные качества от человеческих, можно судить по тому, как он описал свой визит в Бреслау летом 1903 г.: в университете ассистент профессора Карла Хинце познакомил его с музеем, с учебными коллекциями и методами преподавания. Потом появился сам Хинце.

Ассистент как-то вдруг съезжился. Hintze через плечо переспросил у него, что он мне показывал. При таком его поведении с своим сотрудником, несмотря на всю его любезность со мною, мне стало так неловко и неприятно, что я поспешил ретироваться. Странное у немецких профессоров общение с ассистентами. Hintze не преминул спросить у меня, попал ли я в его Handbuch⁷⁷, и к моему [...] изумлению [...] привел содержание моего микрореферата о шефферите. Я оторопел: ведь память!⁷⁸

А в том, что политика и наука – по крайней мере, в независимой Польше – существуют отдельно друг от друга, Сиома убеждал Вернадского в 1934 г., когда тот, видимо, посетовал, что его как советского ученого недружелюбно приняли в Варшаве: «Оказанный Вам прием ничего общего, конечно, с политикой текущего дня не имеет. [...] В научных [...] обществах уживаются самые разнообразнейшие по политическим направлениям научные личности»⁷⁹.

Это не единственный, а наоборот, скорее типичный пример того, что И.Ф. Сиома часто возражал своему старшему коллеге и учителю, считая это, по всей видимости, вполне уместным в научной коммуникации. Сравнивая эпистолярный этос Вульфа и Сиомы, мы отмечаем, что Иосиф Феликсович использовал более церемонные формулы вежливости («глубокоуважающий Вас...»), а письма писал обычно довольно длинные, в четыре страницы и более. Несколько

⁷⁷ Имеется в виду двухтомный справочник по минералогии, составленный Карлом Хинце в начале XX в. и переиздающийся с дополнениями по сей день: *Hintze C. 1897–1898.*

⁷⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 21 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, [Варшава, лето 1903 г.], здесь л. 22 сл.

⁷⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 69 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 14 июля 1934 г., здесь л. 69.

раз он считал необходимым одернуть себя – «но я разглагольствовался», – однако если Вульф в длинных письмах сообщал Вернадскому как товарищу по идейно-политическому лагерю о тех волнующих событиях, которые происходили в университете и на улицах Варшавы, то Сиома писал – часто в ответ на вопросы своего корреспондента – преимущественно о научных делах: о коллекциях минералов, о приобретении экспонатов для минералогического кабинета, созданного Вернадским в Московском университете, о своих полевых изысканиях, об анализе найденных им образцов, а также о своих и чужих мнениях по поводу тех или иных вопросов минералогии. При этом он неоднократно вступал со своим учителем или с кем-то из зарубежных ученых в споры, но только по научным вопросам. Изредка Сиома упоминал о том, что и Вульф по тому или иному вопросу был не согласен с кем-то, включая Вернадского, однако в письмах самого Юрия Викторовича мы не обнаруживаем ничего, похожего на эти эпистолярные научные дискуссии. У Сиомы было не высказанное эксплицитно, но, насколько можно судить по текстам его посланий, другое представление о том, как должно выглядеть письмо к Вернадскому: хотя он всегда соблюдал почтительность, его этос ученика и младшего коллеги предусматривал обстоятельный, прежде всего чисто научный (теоретический или организационно-практический), в том числе полемичный, диалог с учителем и лишь под конец, коротко и не всегда – слова о политических, национальных проблемах или личных отношениях. Что касается последних, то, в отличие от Вульфа, Сиома лишь один раз передал поклон семье Вернадского, и то неловко – перепутав отчество его жены⁸⁰. Вместо этого обычно он завершал письма добрыми пожеланиями самому Владимиру Ивановичу и «Кабинету», т.е. кабинету минералогии в Московском университете, а порой и тем коллегам, которых оставил в Москве: «[Сообщите,] когда захотите порадовать меня известиями, как нашли университетские дела после каникул, начали ли чтение задуманного курса, скоро ли окончится печатание Вашего курса по кристаллографии, какова судьба второй части “Описательной минералогии” и обо всем, что у Вас и по кабинету нового»⁸¹.

⁸⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 35 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, [Варшава], 7 ноября 1904 г., здесь л. 36 об., Наталия Егоровна названа Наталией Петровной.

⁸¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 13 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 15 октября 1902 г.

Подводя итог рассмотрению писем И.Ф. Сиомы к В.И. Вернадскому, мы констатируем, что перед нами сравнительно четкое разделение социальных ролей и различие присущих каждой из них этосов: пишущий выступает прежде всего и главным образом как научный работник, младший коллега своего адресата, почтительно, но свободно ведущий с ним обстоятельные разговоры и споры по темам их общей работы. Этос роли научного работника в том виде, как мы наблюдаем его у И.Ф. Сиомы, не исключает разговора об отношениях с университетским начальством, о студенческих сходках, стачках, забастовках и прочих политических событиях в стенах университета и других учебных заведений, но предполагает отдельное, сравнительно редкое, менее обстоятельное, менее эмоциональное обсуждение таких вопросов. Социальная роль представителя этнического или идейно-политического лагеря занимает очень небольшое, как правило подчиненное положение в письмах и едва ли может сравниться с ролью ученого по степени артикулированности собственной позиции, не говоря уже о полемичности. Этос данной роли, насколько мы можем его реконструировать, предполагал в представлении Сиомы большую сдержанность, тогда как этос роли ученого, наоборот, предусматривал пространность и вольность высказываний.

То, что было выявлено здесь на нескольких примерах, только указывает приблизительный диапазон возможного: резкий контраст между представлениями рассмотренных здесь персонажей университетской истории о том, как соотносятся в качестве поведенческих и оценочных ориентиров преподавателя, исследователя, сотрудника высшего учебного заведения профессиональное, политическое и нравственное, не следует, по всей видимости, интерпретировать как поляризацию. Вероятно, существовали и промежуточные варианты, выявить которые позволит более обширное исследование. Есть некоторые основания предполагать, что варианты, близкие к тому, который мы наблюдали в случае Ю.В. Вульфа, имели достаточно большое распространение. Во всяком случае, принятая I съездом Академического союза резолюция по национальному вопросу осуждала русификаторскую правительственную политику именно как наносящую «явный вред нравственному, культурному и экономическому развитию России»⁸², и это воззрение было характерно не только для

⁸² Цит. по: *Иванов*. 2003: 207.

либерального крыла профессуры. А.А. Ширинянец пришел к выводу, что русская интеллигенция рубежа XIX–XX вв. в целом стремилась формировать свою политическую идентичность «только в строгом соответствии с нравственными установками, доминировавшими в ее политическом менталитете»⁸³. Это позволяет предположить, что и этос социальной роли представителя идейно-политического лагеря был у многих университетских работников неразрывно связан с этосом социальной роли порядочного человека. Возможно, дальнейшие исследования покажут, какие еще «связки» были в большей или меньшей степени распространены в этой среде. Пока же мы можем лишь в предварительном ключе сформулировать ответ на поставленный в начале статьи вопрос о том, что побудило профессоров массово уволиться в 1911 г.: видимо, во многих – хотя и не во всех – случаях неверно предполагать само существование отдельных, независимых друг от друга политических, корпоративных и нравственных мотивов; как мы видели, они могли существовать в нераздельном единстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 8 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 28 декабря 1894 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 13 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 14 мая 1900 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 21 об. сл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 16 марта 1901 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 28 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 17 февраля 1905 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 30 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 21 февраля 1905 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 34 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 25 октября 1905 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 38 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 15 ноября 1905 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 43 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Женева, 16 мая 1906 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 46 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Москва, 25 апреля 1907 г.

⁸³ Ширинянец, 2002.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 48 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 3/16 июня 1908 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 373. Л. 53 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Варшава, 1 сентября 1908 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 374. Л. 7 слл. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Москва, 10 ноября 1913 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 374. Л. 10. Письмо Ю.В. Вульфа к В.И. Вернадскому. Москва, 6 марта 1922 г.

АРАН Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 10 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 11 февраля 1902 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 11 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 2 марта 1902 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 13 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 15 октября 1902 г.

АРАН Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 21 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, [Варшава, лето 1903 г.].

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 35 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, [Варшава], 7 ноября 1904 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 59 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 28 января 1909 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 1 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Окорск, 28 июня 1901 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 6 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Люблин, 29 августа 1901 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 9 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 10 ноября 1901 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 67 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому. Скерневице, 19 марта 1925 г.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1503. Л. 69 слл. Письмо И.Ф. Сиомы В.И. Вернадскому, Варшава, 14 июля 1934 г.

Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры. Цит. по: *Иванов, Кулакова.* 2013: 128.

Вернадский В.И. Разгром // Русские Ведомости. 23 февраля 1911.

Вульф Г.В. Последние месяцы в Варшавском университете // Голос минувшего. 1915. № 12. С. 190–196.

Вульф Г.В. Автобиография // Физики о себе / Отв. ред. В.Я. Френкель. Л., 1990. С. 21–22.

Известия Ленинградского электротехнического института. Л., 1957. Вып. XXXII.

Кожевников Г.А. Проклятый вопрос: К современному положению университета. М., 1911.

Общественное движение в России в начале XX в.: в 4-х тт. / Ред. Л. Мартов [и др.]. СПб., 1909–1914. Т. II. Ч. 2.

Письмо Е.Н. Трубецкого к М.К. Морозовой, Рим, февраль 1911 г. Цит. по: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подг. текста, вступ. статья и комментарии В.И. Кейдана. М., 1997. С. 334.

ЛИТЕРАТУРА

Баженова А.Ю. Историки императорского Варшавского университета: условия формирования пограничной идентичности // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М., 2013. С. 239–261.

Иванов А.Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений: Всероссийский академический союз: идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1977. Вып. 48.

Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.

Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в: социально-историческая судьба. М., 1999.

Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. Размещено в электронной библиотеке «Социальная история отечественной науки». URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/ps/202–212.pdf> (дата обращения: 20.10.2020).

Иванов А.Е., Кулакова И.П. Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М., 2013. С. 112–134.

Ильченко Е.В. А.А. Мануйлов // Летопись Московского университета. Электронный ресурс. URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/8453> (дата обращения: 18.10.2020).

Ковтуненко М.К. Движение правого академизма в Императорском Новороссийском Университете в начале XX в. // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/539> (дата обращения: 20.10.2020).

Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х гг. Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 54–71.

Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

Лашкевич А. Работы Ю.В. Вульфа в Варшавском Университете // Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie geologii i geografii. Wrocław, 1972. S. 171–195.

Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981.

Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020.

Сиома И.Ф. Наблюдения и исследования по минералогии и литологии Лысогорья. М., 1917.

Сонин А.С. Георгий Викторович Вульф, 1863–1925. М., 2001.

Успенский Н.Е. Георгий Викторович Вульф // Научный работник. 1926.

№ 3. С. 17–26.

Флинт Е.Е. Г.В. Вульф (Некролог) // Минеральное сырье и его переработка. 1926. № 2. С. 179–181.

Флинт Е.Е. Юрий Викторович Вульф // Отчет 1-го Московского Государственного университета за 1925–1926 гг. М., 1927. С. 369–379.

Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века (по материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2010. № 18. С. 270–287.

Шарова А.В. «Отстал от века?» В.И. Герье и А.Н. Савин // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2012. С. 35–37.

Шарова А.В. Александр Николаевич Савин: неизвестная жизнь известного историка // Одиссей: человек в истории. Предательство: опыт исторического анализа. М., 2012. С. 212–243.

Шириняц А.А. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX вв.: Опыт концептуального анализа. Реферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. На правах рукописи. М., 2002. Электронная версия URL: <https://www.dissercat.com/content/politicheskaya-kultura-intelligentsii-rossii-xix-nachala-xx-vv-opyt-kontseptualnogo-analiza> (дата обращения: 20.10.2020).

Шубников А.В. Юрий Викторович Вульф // Природа. 1926. № 1/2. С. 5–8.

Chlipalska E. Józef Sioma. Księga pamiątkowa Szkoły Główniej Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie 1906–1950. Warszawa, 1958. Т. 1.

Hintze C. Handbuch der Mineralogie. 2 Bde. Leipzig, 1897–1898.

Salski W. Polska szkoła geologii // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 2007. 52/1: 97–119.

Wójcik Z. Sioma Józef (1875–1938) mineralog, geolog, profesor SGGW // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków, 1996–1997. Т. 37. S. 555.

Wójcik Z. Aleksander Jewgieniewicz Lagorio 1851–1941 // Monumenta Universitatis Varsoviensis 1816–2016. Portrety uczonych. Profesorowie Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915. Warszawa, 2016. S. 296–301.

Wójcik Z. Georgij (Jurij) Wiktorowicz Wulf 1863–1925 // Monumenta Universitatis Varsoviensis 1816–2016. Portrety uczonych. Profesorowie Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915. Warszawa, 2016. S. 503–508.

Wójcik Z. Władimir Prochorowicz Amalickij 1860–1917 // Monumenta Universitatis Varsoviensis 1816–2016. Portrety uczonych. Profesorowie Uniwersytetu Warszawskiego 1816–1915. Warszawa, 2016. S. 40–47.